

Панельная дискуссия «Сегодня в исследовании — завтра в законе»

Модератор Задорин Игорь: Я кратко расскажу про нашу концепцию. Раз мы находимся в основной теме социальной инженерии, разработки различных инструментариев, технологий для социальных изменений, то мы естественно не могли не вспомнить о таком важном элементе этих инструментов социальных изменений, как разного рода законопроекты. Понятно, что решения управленческие откликаются в разные стороны, но в том числе и в таком формате как некоторые федеральные законы и региональные законы, постановления и т.д. Мы хотели посмотреть на некоторые случаи, кейсы, которые действительно могли бы являться примером, когда результаты социологических исследований напрямую кладутся как основания для разработки такого рода законопроектов и результаты дают и основания и иногда корытные формулировки этих законопроектов. То есть посмотреть такой механизм и такую технологию технологический процесс социологические исследования, передача их разработчикам законопроектов и сам закон, который уже признан изменять социальную реальность.

Поэтому у нас секция называется «Сегодня в исследовании, завтра в законе», мы можем сократить это до формулировки исследования в законе. Рассмотрим такие кейсы. Наш формат мы займём 10-12 минут, всем спикерам говорю с возможностью задавания вопросов, но тут варианты в разных секциях вопросы все после или каждому в отдельности. У нас все-таки кейсы, поэтому каждому, потому что это частные случаи, поэтому 1-2 вопроса можно задать сразу после выступления очередного спикера. И надеемся, что мы завершим нашу дискуссию некоторыми конструктивными законопроектами, резолюциями, которые с учетом тех механизмов, которыми обладают многие участники конференции, действительно пойдут наверх. Мы очень ждали сегодня присутствия представителей экспертно-аналитического управления Государственной Думы, и они очень были бы рады участвовать, но так совпало, у них ровно сейчас важные мероприятия отчетные, они там отчитываются перед высоким начальством, хотя, конечно, они являются тем самым передаточным механизмом от социологов непосредственно к законодателям. Но надеюсь, что следующие наши мероприятия они тоже будут участвовать. Я все сказал.

Курбангалеева Екатерина: Здравствуйте, уважаемые коллеги, Игорь уже хорошо сказал во введении, какая у нас задача. Надо сказать, что было непросто найти кейсы, гораздо проще найти антикейсы, но мы решили здесь совершить подвиг и больше рассказать о положительных вещах, когда действительно в результате социологических исследований были получены результаты, которые не просто заставили чиновников задуматься и отреагировать, а не положить на стол, забыть, отчитаться и т.д. А когда это помогло изменить и даже не столько повестку региональную и федеральную, сколько сделать еще один шаг, когда удалось поменять либо федеральный закон, либо поменять акт какой-то подведомственный либо постановление. Их очень немного, это правда. Игорь хотел рассказать про монетизацию и очень много желающих рассказать про антикейс пенсионную реформу классический антикейс. Наверняка, сидящие в зале мимо не могли пройти как исследователи темы и все, что было в исследованиях, то, что я видела, то, что вы, наверняка, видели, то, что было у нас правительство сделало ровно наоборот, потом начало отыгрывать.

На предыдущей секции, где мы были «Эффективность мониторинга или мониторинг эффективности» как раз шла речь о том, а где очень часто чиновники являются заказчиками, но не всегда понятно, с какой целью они это делают, как правило, для отчета, даже сотрудник администрации президента говорил, что то, что делается в регионах, создаёт большой социологический шум, нежели к этому можно как-то отнестись. И самое главное, что на выходе, потому что, конечно, любому исследователю хочется не просто сделать дело качественно и за это получить уместные вознаграждения, но и увидеть, как эти результаты были претворены. Все здесь сидящие, может, за редким исключением как раз поделятся тем, как им это удалось, и передаем слово. Да, очень прошу 10 минут, чтобы у нас действительно получилось еще живое общение, были заданы вопросы, потому что это вроде такая инновационная история, еще раз повторюсь, при минимум нашего экспресс-мониторинга показал, что кейсов очень много положительных. Передаю слово Китаеву Кириллу Дмитриевичу, который также был одним из инициаторов этой темы.

Модератор: Кирилл Дмитриевич задаст нам рамку общую.

Китаев Кирилл: Я постараюсь немножечко расширить эту повестку, но оставаясь в рамках исследований, которые должны каким-то образом менять мир. Я работаю в Институте проблем правоприменения при европейском университете в Санкт-Петербурге, и мы занимаемся работой с данными о правоохранительной системе, чуть меньше контрольно-надзорная система, арбитражные суды и т.д. Наверно, в качестве короткой рекламы тех позитивных кейсов, только что говорилось, много мы первыми начали говорить о том, что федеральная служба по контролю за незаконным оборотом наркотиков должна быть ликвидирована. 6 лет об этом говорили, потом у нас вышло большое мема, которая показывала ее неэффективность и через 3 месяца был подписан указ президента о ликвидации этой службы, мы конечно, не можем утверждать, что это наши выводы так повлияли, но совпадение весьма приятное.

Первое главное различие, которое я хочу провести в этом выступлении, это исследование для принятия решений, исследования, которые влияют. Что такое исследование для принятия решений, это что-то, что доказано стейкхолдерами, что-то, что заказано лицом, принимающим решение, которые, как правило, ими же и финансируются и всегда транслируют их повестку и их язык описаний, который есть у заказчика, что в общем более или менее нормально. Эта ситуация предполагает, что вопрос исходит от людей, которые это исследование заказывают. Как было верно отмечено, не всегда понятно, зачем они это делают, нередко это какая-то странная отчетность. Но кроме того существуют исследования, которые адресуются к изменениям, которые должны вызывать изменения, но либо никем не заказываются, либо чаще являются инициативой исследовательских групп, поддерживаются и финансируются чаще всего группами интересов, иногда нейтральным донором, в частности государственным, и опираются на исследовательскую повестку. И если вы посмотрите на мировую дискуссию о том, как развивается история, то мы увидим, что главная история, Великобритания, например, 2 года назад полностью прекратила государственное финансирование исследований, финансирование осталось, исчезла постановка вопросов. Если раньше министерство Юстиции Великобритании заказывало там 12-20 больших исследований в год, они перестали их заказывать. Они отныне имеют право опираться при принятии решений только на исследования, проведенные с нулевой государственной поддержкой этих исследований. Потому что предполагается, что в

противном случае исследователь будет ангажирован руководством этого ведомства. Если попробовать это структурировать, то в одном случае мы выявляем сначала развилки, причем в основном это делают собственно заказчики, потом приходим мы, формируем дизайн, проводим это исследование, получаем какие-то результаты, они их либо учитывают, либо игнорируют, понятно, что это тоже нужная работа и было бы здорово, если бы она делалась лучше. Но есть другая логика, когда мы видим социальную проблему, когда ищем партнёра, который готов заресурсировать такое исследование или уже потом описываем эту реальность, определяем конкретные вопросы. И потом продвигаем эти результаты так или иначе. И соответственно, что мы видим, мы видим, что и те, и другие исследования в общем редко меняют что-то в реальности, в основном, как было сказано, ложится в стол.

Но важно понимать, что исследования второго типа они очень редко меняют реальность быстро, зато они, как я постараюсь показать дальше, чаще меняют реальность серьезно. И они гораздо чаще оказываются независимыми от групп интересов. Понятно, что все равно достаточно часто такие исследования оказываются заказаны лоббистами теми или иными, мы не должны этого стесняться. Но прелесть ситуации, когда мы работаем не по заказу чиновника, а по заказу лоббиста в том, что мы самой судьбой вынуждены работать гораздо тщательнее, потому что мы понимаем, что если лоббист есть и готов вкладываться в исследования, значит, он такой не единственный, значит, наряду с нашим исследованием, будут конкурирующие исследования других лоббистов. И в тот момент, когда стейкхолдеры начинают вести разговор с опорой на исследование, это и есть очень важная часть законодательного процесса здорового человека, как сказала бы Екатерина Шульман.

Небольшой пример. В 1969 году публикуется работа, которая показывает так называемый различия в приговорах, в первую очередь между белыми и черными, но также между мужчинами и женщинами, богатыми и бедными. То есть при одинаковых юридических ситуациях выносятся совершенно разные решения в плане назначения наказания и в плане виновности. И эта дискуссия идет 15 лет до того, как принимается закон, который сокращает дискрецию судьи, заставляет судью назначать наказание в гораздо более узких рамках. То есть до 1987 года, когда он вступил в силу, судья в США для среднего преступления имел вариацию +/- 22 месяца. После реформы системы назначения наказания он стал иметь вариацию +/- один месяц при тех же легальных условиях. То есть тем самым судей вынудили более равно относиться к тем людям, которые между которыми нет легальных различий. В 1994 году собрали материал и выяснили, что в этой ситуации появились свои негативные экстерналии. В 2007 году министерство заказало обобщение итогов дискуссии. В 2011 прошла новая реформа. Сейчас готовится следующее обобщение того, что получилось после обобщения второй реформы.

Но если у нас нет готового чиновника, который должен взять наш текст и пойти с ним в мир, то что нам делать? Мы должны рассказывать лицам, принимающим решения, о том, что мы получили сами, то что они не заказывали. Но мы понимаем, что у лиц, принимающих решения, у них свой очень сложный мир и он во всем мире таков, это не какие-то уникальный страшный русский чиновник. Политическая власть всегда ориентирована либо на демократические, либо на политические цели и усложнять себе жизнь не готова. Поэтому мы должны ориентироваться на тех, кто будет принимать решения завтра, мы должны менять экспертную повестку, и мы должны ее делать более

или менее единственно возможной, чтобы в завтрашние политические бюрократические задачи была инсталлирована та исследовательская повестка, которую мы сформировала.

Но это довольно сложная задача. Потому что, во-первых, мы не знаем, кто же будет этими людьми завтра, даже в относительно стабильных режимах без политической ротации это самый предсказуемый процесс. А уж что происходит в режимах с нормальной политической ротацией, в общем совсем тяжело предугадать. Поэтому более-менее все, кто завтра должны находиться в этом кругу, должны развивать нашу повестку. Если мы считаем, что она верна, исследовательски обоснована и вытекает из данных.

Поэтому по большому счету для того, чтобы закон завтра менялся, мы должны сегодня обращаться не к чиновнику, не к человеку, который сегодня принимает решения, а к широкому экспертному сообществу, это мне кажется то, что забывают многие из коллег, ориентированных на практикоориентированные решения. И тогда вещи, которые иду вразрез с объективной реальностью, выявленные исследованиями, завтра будут казаться либо глупостями, либо проявлением некоторого волонтаризма, чтобы не сказать хуже.

Несколько примеров успешных историй. Если вы посмотрите, что пишется и что говорится на уровне государственной власти в 1995-1996 году о проблеме коррупции, вы увидите, что к ней относятся понятно, что это какие-то благоглупости, которые непонятны, поговорить людям из политической тусовки, не более того. Но Георгий Сатаров с командой единомышленников начинали продвигать эту повестку и к 2010 году мы становимся страной по уровню открытости государства, опубликованности решений одной из первых в мире. Я не говорю, что решена проблема коррупции, но коррупционная политика стали одной из разделяемых вещей. Даже тогда, когда политические противники действующей власти начинают использовать эти антикоррупционные программы против действующей власти, мы все равно видим, что данные не перестают публиковать, что система продолжает работать, что идет вполне себе поступательное движение по раскрытию данных, создающие персональные риски для отдельных представителей элиты. В конце 90-начале 2000-х Александр Лузан, Светлана Авдашева и множество других людей и я не готов все приписывать этим людям, начинают продвигать тему административных барьеров и в этот момент на них смотрят более-менее как на идиотов. Потому что это история про то, что мы выстраиваем регулирование, то что регулирование влияет на бизнес нам более-менее плевать, мы граждан защищаем от недобросовестных, статья обман потребителей на тот момент в уголовном кодексе, чтобы вы понимали масштабы ситуации. Но за несколько лет они делают эту повестку входящей в язык власти и на сегодняшний день, например, регуляторная гильотина — это во многом то, что смогло состояться именно тому, что в 1998 году Александр Лузан, Светлана Авдашева опубликовали первую тоненькую книжечку про это, стали рассказывать об этом не только властям, не только академикам, но и всем, чтобы любой редактор любой серьезной газеты знал, что такое административные барьеры, что это важно и прочее.

И пример, саморекламный 10 лет назад мы стали говорить об обвинительном уклоне, о том факте, что шансов на оправдание у людей по делам публичного обвинения в России 1:500. Что нормальный судья за всю свою карьеру не выносит ни одного оправдательного приговора. Что если мы посмотрим и сравним это с судами присяжных

или с любой развитой юрисдикцией, включая то мы увидим, что мы отстаем примерно в 50 раз, что это плохо и т.д. Первые 3 года нам говорили – да как вы вообще смеете со своей статистикой лезть в высокую юриспруденцию, каждое дело индивидуально и на основании статистики вы не можете делать выводы о работе судебной системы, только эксперт, прочитав все дела досконально и разобравшись, может что-то сказать о том, как работают суды. Но на данный момент мы имеем ситуацию, в которой после каждого выхода последние 2-3 года в марте-апреле очередной порции статистики от судебного департамента выходит верховный суд и объясняет, что у нас нет обвинительного уклона. Но что очень важно понимать, он объясняет это на нашем языке с нашими цифрами, с их цифрами, которые мы вытаскивали, с привольной корригированной на данной логике аргументации. Они не бросаются штампами, они говорят на языке эмпирического аргумента. И как мы об этом рассказывали, потому что когда мы приходили с этими условно, в «Коммерсант» или «Ведомости», на нас тоже смотрели как на идиотов. Мы начали объяснять, что уголовное судопроизводство это важно и что да, несмотря на то, что 80% осуждённых это люди безработные и что ни одного нормального человека это не коснется, пока уголовное судопроизводство не начнет нормально работать, ничего никуда не поедет. Сейчас если вы открываете более или менее любое серьезное издание экспертов, вы видите, что там ни один законопроект меняющий уголовное законодательство, не проходит без серьезного влияния медиа, 10 лет назад эта сфера был маргинальной и это хорошо видно. Все любили скандалы, но разбираться, что написано в законопроекте, который меняет статью об организованном преступном сообществе никто бы не стал.

И почему это важно сейчас, мир становится сложнее, повседневных знаний политиков, которые в 19 веке могло легко хватить для принятия более-менее всех решений, перестает хватать. Повседневные знания политиков и адвокатов не может хватить для принятия адекватных решений, потому что они не владеют мировой практикой, набором альтернатив, никто не знает нашей сферы. Что следствие – это уникальное советское изобретение, нигде за пределами бывшего Советского Союза института следователей нет и следствия. Но в этом мире люди живут, не зная этого, у них нет данных, у них нет методов, но при этом они пытаются быть инициаторами исследований, хотя на самом деле быть инициаторами исследований не могут.

Модератор: Спасибо большое. В том числе за соблюдение регламента. Я воспользуюсь административным ресурсом, потому что очень важно. Кирилл сказал важный тезис о том, что когда заказывает исследования лоббист, надо быть особенно осторожным и аккуратным. Надо сказать, что в последней теме, о которой говорил Кирилл Дмитриевич по поводу гуманизации уголовного законодательства был эпизод, когда Кирилл Дмитриевич как раз выступал лоббистом. И его команда заказывала исследования через ТСП нам. По поводу того, каким образом общественное мнение может потенциально отнестись к некоторым законодательным инициативам, связанным с гуманизацией. То есть какие-то преступления выводятся из криминального в административное, где-то смягчается наказание и т.д. Мы отнеслись очень тщательно. Как рекомендовано. Надо сказать, что не все предложения наших замечательных лоббистов нашли отклик в общественном мнении. И я так надеюсь, что коллеги скорректировали свою позицию. Например, по некоторым видам преступления, мы приводили это в парадигме обогащенного общественного мнения исследования, тогда, когда на респондента в течение некоторого времени оказывается определенное

влияние в ту или иную сторону. То есть ему объясняют преимущества этих нововведений и т.д. По некоторым видам преступления эти воздействия оказали влияние, были сдвиги в соответствующую сторону согласия, а по некоторым видам типа коррупции наш народ сказал – нет, никакой пощады коррупционерам, несмотря ни на что. И эта точка зрения она тоже имеет место быть. Это к вопросу о том, что некоторые разного рода нововведений должны, безусловно, проходить такого рода экспертизу. Вопросы 1 вопрос. На уточнение позиции. Позиция ясная.

Титаев Кирилл: Только ТСП заказывал и вам и нам одновременно, мы не были заказчиками.

Модератор: Но лоббистами точно были. Теперь переходим к позитивным кейсам, то есть конкретным случаям, когда исследования действительно привели к изменению некоторых правовых контекстов. Ольга Аркадьевна.

Александрова Ольга: Я только что провела такую секцию при большом стечении народа, но я не могла, и тема была близкая к этой, но я не могла отказать Екатерине Шамильевне, когда она меня пригласила, потому что я была под большим впечатлением от ее выступления на грушинской конференции 2016 года о ветхом жилье, это я своим студентам теперь, когда мы доходим до этих кейсов, я обязательно показываю исследование ваше по ветхому жилью. Но я кстати помню, сейчас не буду говорить, что-то учитывается, что-то может быть учтено, мы видим избирательно, конечно, заказчики что-то могут, что-то не могут, это на этом уровне государственного управления нет, это на этом, а на этом уже можете вы сами, специально мы это расписываем. Но я помню в том исследовании Екатерины Шамильевны там был один отрицательный результат, который тоже результат. По-моему, вы запрашивали региональной администрации о ситуации с ветхим жильем и не все вам ответили и это тоже было важное наблюдение.

Коллеги, понятно, что теперь предпенсионеры это важная категория всяческая и правовая и социальная и т.д. Я буду сейчас тараторить, но все равно не успею сказать все, что хочется, но мне проще, потому что я отсылаю вас к сайту Института народонаселения РАН, где мы выкладываем полные тексты наших монографий на основе наших исследований и полные тексты журнала «Народонаселение». Я, пользуясь случаем, презентую Екатерина Шамильевне 2 наших исследования свежих, там кстати первое не социологическое, более тоненькое. А оно методологическое с точки зрения статистического анализа и оценки прогнозирования положения инвалидов на рынке труда. Сейчас вы увидите, что пенсионеры и инвалиды — это нередко пересекающиеся множества. Так вот для чего нужна была эта оценка и наш заказчик в обоих исследованиях, о которых я расскажу, это Департамент труда и социальной защиты правительства Москвы. Потому что им нужны тоже какие-то ориентиры, которые они будут оценивать успешность и эффективность/неэффективность своей работы, когда это касается инвалидов, потому что Россия еще теперь отчитывается перед ООН в рамках того, как была ратифицирована конвенция.

Первое исследование 2017 год, здесь у нас были все категории, которые трудно трудоустраиваются. Что интересно, мы тут же столкнулись, увидели, какую тяжелую группу представляют из себя предпенсионеры, потому что мы провели массовый анкетный опрос, мы в один день пришли в отделы службы занятости всех административных кругов Москвы. И при такой случайной выборке у нас 26% это были предпенсионеры. 26 это было 93% предпенсионного возраста и остальные пенсионного и близкого к предпенсионному возрасту и плюс мы опросили тех, кто с ними работает, это работники

отделов службы занятости. Есть позитивный момент. Один позитивный, а второй, который требует дальнейшей работы.

По рекомендации, в том числе и нашей, служба занятости ввела такое кураторство, потому что раньше приходит гражданин и прощается, каждый раз встречается с новым работником службы занятости, время работы с ним ограничено и понятно, что это менее эффективно. Ввели кураторство, что теперь ведет один работник этого обратившегося гражданина, но мы посмотрели, какая специфика есть у каждой из этих групп населения и сказали – вообще все-таки было лучше, чтобы вы ввели еще и специализацию эти инвалиды, эти мамы с детьми, эти предпенсионеры. Но нам сказали, нет они нам так не сказали, но из всего контекста наших разговоров с работниками службы занятости мы поняли – они этого не хотят. Потому что есть очень сложные группы и это прежде всего инвалиды и предпенсионеры, которые если ты будешь на нем специализироваться, ты никогда не получишь эту надбавку за эффективную работу. В связи с чем мы в своей рекомендации, если можно, сама себя перебею, в этой книжечке я перелистну и будет показана ее обложка, там это тот случай, сами понимаете, такой заказчик он требует конкретики. И у нас в значительной степени конкретика на 22 страницах, поэтому здесь я только покажу, какие рубрики у нас, а за конкретикой, пожалуйста, на наш сайт к этой монографии.

Следующее исследование как я сказала пересекаются пенсионеры и инвалиды, это уже было специально посвящено инвалидам, оно в значительной степени уникальное, спасибо заказчику, он потребовал, чтобы мы изучили ситуацию с трудоустройством инвалидов всех 8 нозологий, то есть все основные виды расстройств. Здесь вы видите широкий социологический инструментарий, масса вопросов о инвалидах, 4 группы экспертов, с разных сторон, контент-анализ материалов СМИ, потому что от этого очень многое зависит, неслучайно ООНовские в том числе документы говорят о том, что важно изучать о том, какой контекст формируют СМИ, какое отношение к трудоустройству.

Уже говорили, я специально мне понравилось сегодня выражение социологический ботокс, когда вдруг в момент пенсионной реформы стали рассказывать, как хорошо, все поют, пляшут и готовы рожать в 60 лет. Я специально указала, когда зарегистрировано это исследование, что это наоборот поможет только защитить. Но были другие и они были во множестве, которые показывали такую картинку. Но тем не менее, так или иначе, но теперь придется с этим что-то делать. Потому что приехавший к нам в 2017 году еще экспертный сказали совершенно очевидные вещи, что такого рода проблемы должны решаться в комплексе и законодательство должно соответствовать ситуации на рынке труда. А если оно не соответствует, то мы видим безработицу, а также всплеск, позволяет говорить в том числе и о пожилых и одновременно инвалидах, всплеск инвалидности. А все это вместе приводит к почти неизбежной, как они говорят, бедности. Что показало наше первое исследование, даже на самом развитом и емком рынке труда, как я вам сказала, одной из наиболее тяжело трудоустраиваемых все они 90% говорят, что возраст является проблемой при трудоустройстве, они первые на выход 59% нам сказали, когда сокращение штатов. При каждом неблагоприятном экономическом они из первых на выход. При этом тоже результат для того, чтобы сделать какие-то выводы, конечно, нужны замеры. Мы слышим, что нам говорили и сейчас говорят, когда решили повышать пенсионный возраст. А мы сейчас будем их учить, переучивать, повышать квалификацию. А наше исследование показывает - это будет малоэффективно, потому что это в значительной степени люди, уже имеющие хорошее образование, это чаще

чем другие руководители каждый 4-ый это руководитель, люди, которые выясняется, не готовы в значительной степени переучиваться, почему покажу дальше.

Как я уже сказала, у нас около 70% трудоспособного возраста за 10 лет до пенсионного, который еще был, имеют серьезные патологии здоровья. Вот оно пересечение и в рамках второго исследования мы провели анализ по 3 группам: предпенсионный возраст, пенсионеры по возрасту и контрольная группа за 10 лет до. И разделили на мужчин и женщин, потому что у нас. Сразу показываю важный момент, который мы пытаемся достучаться до наших заказчиков до структур, принимающих решение. Посмотрите, какая доля здесь инвалидов 3-й группы, увидите, по каким заболеваниям. Инвалиды 3-й группы вполне могли бы быть трудоустроены, но не трудоустраиваются, потому что если они трудоустроятся, они потеряют надбавку и тогда у них овчинка не будет стоить выделки. Более того люди боятся, а я трудоустроюсь, потеряю надбавку, как вы видите, часто такие заболевания сердечник, онкологический больной, язвенник в тяжелой форме, сегодня он здоров, а завтра не очень, а надбавки уже нет. При этом посмотрите, какое возникает противоречие. Как мы сказали наши эксперты, работодатели, в том числе Московская торгово-промышленная палата, есть большой интерес у крупных компаний в том числе к трудоустройству уязвимых групп населения, в том числе инвалидов, почему – это им нужно в рамках отчетности по корпоративной социальной ответственности так называемой нефинансовой отчётности. Им для решения своих бизнес-задач они были бы рады, они бы с удовольствием взяли инвалидов 3-й группы, но они боятся потерять свою надбавку и вот вам, пожалуйста, компании не могут закрыть важный им вопрос, а этим пополняют неформальный рынок труда.

Дальше тут показана, какая степень ограниченности труда, вы видите это тип заболеваний, который приобретают как раз с возрастом в основном. Уровень образования достаточно высокий, при этом надо сказать нам говорят – все время нужны промышленные рабочие, но здесь не так много людей мужчины, которые имеют начальное или среднее специальное образование, а при этом тоже не находят работы либо эта работа не устраивает. Вернусь к нашему первому исследованию говорила я том, что они не очень готовы переквалифицироваться. Действительно, 52 % сказали – не готовы, готовы, если их будет переобучать служба занятости 34%, а сами готовы ради трудоустройства только 14%. При этом только по своей профессии хотят работать 25%, 49% согласны на смежные специальности, по другой профессии только 14%, а на другой работе 12%.

Итак, мы спросили, а будете ли вы переучиваться, – не планируют сказали нам больше 90%. А почему, а потому что либо мы и так грамотные, либо нам здоровье не позволяет. Женщины да, категории, где, может быть, будет помощь со стороны государства, они какую-то образовательную помощь и примут. При том, что как показывают наши данные и первого исследования и этого, и мы здесь специально показываем брачный статус и членов семьи, чтобы было понятно, каков доход этого домохозяйства. Мы видим сейчас уровень благосостояния, то есть они нуждаются в работе, вы видите по шкале ВЦОИМовской, я пролистываю. Я перехожу уже вот одно уже рекомендация, которую мы дали. У нас созданы федеральные реестры, есть интернет-порталы госуслуги, как вы понимаете, есть социально-одобряемые ответы на самом деле совершенно не знают, не пользуются, следовательно, наша рекомендация усилить информационное обеспечение, продвижение этих ресурсов и работу с ними. Понятно,

зачем обращаются в государственную службу занятости, потому что сами не могут либо не хотят потерять стаж, либо хотят пособия. Очень важно, все время говорим цифровая экономика, поэтому мы спросили – а хотите ли вы работать дистанционно с использованием компьютера. Смотрите, интересная история да, хотели бы, но теперь представьте себе, это не где-то на селе, не в медвежьем углу, это в Москве такой трафик не позволяет, хороший трафик оказывается дорогим. При этом здесь как раз-таки готовы да, в принципе умеют работать на компьютере, но понимают, что они просто простые пользователи, в основном. Их чему они хотели бы учиться – это компьютерной грамотности, чтобы расширять свои навыки как пользователя. Но очень многие не знают, где и как это получить.

Теперь переходим к предложениям и рекомендациям. Быстро. Меры, имеющие общесистемный характер и те, которые можно сейчас. Пропускаю учет, анализ, обратную связь. Медико-социальная экспертиза, мы даем буквально несколько конкретных рекомендаций. Что мы из разных уст услышали. Работники медико-социальной экспертизы это в значительной степени люди, не владеющие информацией о том, где и как сегодня можно реабилитироваться, какие занятия возможны, какие устройства могут помогать и т.д. То есть уже на уровне ИПРА – индивидуальной программы реабилитации уже невозможно. Информационное обеспечение здесь вы видите, у работодателя мифы, сложности во взаимодействии с предпенсионным возрастом, инвалидами, а у этих категорий есть стереотипы и предубеждения в отношении работодателя. Про увеличение числа рабочих мест, про квоты понятно, теперь ставится вопрос о квотировании уже для предпенсионеров. Действительно, мы там прописываем, какие могут быть льготы, это, допустим, создание реестров таких предприятий, которые трудоустраивают, у них более льготный доступ к госзаказу, аренде, к налогообложению и т.д. Что касается дистанционной занятости, мы тоже прописали, какие могут быть работы, связанные с повышением компьютерной грамотности и снижением цифрового неравенства. Про надбавку уже сказала, совершенствование работы службы занятости, вот то, о чем я уже сказала, что введение повышающих коэффициентов, которые можно компенсировать работой со сложными группами. И последнее, что скажу, конечно, к предпенсионерам это относится в меньшей степени сопровождаемое трудоустройство, это больше ментальники, которыми становятся довольно рано. Но за что нам тоже были благодарны департамент занятости, они нам сказали – а у вас есть про сопровождающее трудоустройство? Мы сказали нет, но будет. И действительно мы здесь прописали почему, потому что в отличие от государственной службы занятости негосударственные структуры, занимающиеся трудоустройством, в том числе допустим, инвалиды, они уже хорошо имеют практику сопровождения. И мы прямо прописали пошагово, как с таким и работать контингентом. Все, спасибо. Из внедренного было кураторство внедрено, пока мы пытаемся аргументировать, что все-таки нужна специализация, потому что она позволит. И много мы дали и, мне кажется, они могут быть внедрены все, что касается реестра таких предприятий, чтобы в социальную отчетность это входило и т.д.

Модератор: Сейчас Екатерина Шамильевна, надеюсь, более продвинутый кейс, там что-то было реализовано?

Курбангалеева Екатерина: Да, усилия были не единственные наши, но

Модератор: Как удалось переубедить чиновников с помощью.

Курбангалеева Екатерина: Здравствуйте, уважаемые коллеги, спасибо большое за добрые слова. Я выступаю плохо, я считаю имею право, наверно, считать себя исследователем, второе, я член общественной палаты. Я заместитель председателя комиссии по социальной политике общественной палаты России, что мне позволяет делать еще кое-что, сейчас я вам покажу.

Итак, у нас за 3 года мы реализовали 3 всероссийских конкурсных мониторинга. Все мы их сделали на президентский грант, объясню, почему. То, о чем говорила Ольга Аркадьевна, всероссийский комплексный мониторинг. География была – видите 8 округов, 27 субъектов, 54 муниципальных образования, при этом нам приходилось еще выбирать очень долго. Но долго останавливаться не буду, этот проект уже есть в истории архиве Грушинской конференции. Я считаю, что этот кейс был не очень удачный, объясню, почему. Хотя он был с точки сделанного исследования хорош, но на выходе не получилось сделать то, что мы хотели и поэтому сделали определенные выводы. Следующий был у нас в ноябре 2016 это был всероссийский комплексный мониторинг доступности высшего образования для лиц с инвалидностью. Пожалуй, впервые мы столкнулись ситуацией, когда чиновники не попросили нас проверить какую-то гипотезу или подтвердить, или опровергнуть ее, а задали вопрос – а почему. Как вы знаете, в высших учебных заведениях есть квоты, 10% от бюджетных мест. На всю страну тогда училось 20 тысяч молодых людей с инвалидностью, то есть каждый для сравнения как они говорят, каждый 4-й получает высшее образование и в квоте не выбирается, что происходит. И мы пошли в этом направлении. То есть не было не гипотез, ничего как вы помните, вовлечено было 165 государственных вузов, когда Ольга Аркадьевна говорила, что не отвечали регионы, здесь надо сделать поправку. Понятно, что региональная администрация, если мы их запросим и муниципальная, на нас плевать хотели, поэтому отчетливо понимая это, мы заручались каждый раз поддержкой. В первом случае у нас был фонд ЖКХ госкорпорация, во втором случае у нас была президентская комиссия и министерство образования. То есть только через них мы решали, они нас пускали. 165 государственных вузов опросы, я здесь немножко поясню потом, для чего он здесь появился, просто он здесь важен для конструкции. И третий всероссийский комплексный мониторинг, фактически недавно его презентовали на комиссии в Минтруде 8 федеральных округов, 10 субъектов, можете посмотреть, какой охват.

Вот 6 методологических принципов, которые мы вынесли из всего этого. 1. Чем мы руководствовались, я их так называю, может, неуклюже, 3D-исследование объекта изучения. Что имеется в виду. Мы не ограничиваемся только соцопросами, первое, что мы делаем, мы делаем запросы к распорядителям услуг. Либо это высшее учебное заведение, либо это органы медико-социальной экспертизы, тогда это был регион. Даем стандартизированную анкету, они нам отвечают, как могут. Цифры прыгают, лукавят, не дотягиваем, немножко шантажируем, но получаем. Дальше что мы делаем – мы там же в этих же вузах опрашиваем уже студентов, ровно в этих вузах, не в других, или в этих же домах говорим. И в этих же МСЭ. Дальше с точки зрения, например, вузов мы еще опрашиваем их родителей, не просто студентов, знаете, позиция родителей и студентов очень сильно отличалась. И наконец это я называю объективация данных с помощью включенного наблюдения, это то, о чем мы говорили на предыдущей секции. Как нам исключить желания ребенок или ведомств показать очень позитивную конструкцию и в то же время негатив с этой стороны. Мы проводим так называемое включенное наблюдение, что это такое. В случае ветхого аварийного жилья у нас был дневник

наблюдения, который заполнял сам интервьюер, то есть он заходил в дом, мы разработали ее с Минстроем, заходил в дом и записывал, как они белят подъезд, что с окнами, что с подвалами, сам ему не надо, он не живет в этом доме. Он просто пришел посмотреть. В случае с вузами мы пошли дальше и это, пожалуй, была самая информативная и мы потом удивили министерство. И благодаря этому, может быть, нам удалось сделать то, что я скажу. Мы поступали вместе с абитуриентами под видом их опекунов. То есть мы их нашли, мы их уговорили и ровно в эти вузы, которые нам уже ответили, что у них все замечательно, студенты, которые там учатся, мы прошли этот путь с абитуриентами. От дома, как они сели, выбрали этот вуз, они поехали в этот вуз, приехали в приемную комиссию, и что им там говорили и как они попадали. А случай включенного наблюдения самый сложный был, медико-социальную экспертизу, не поверите, мы прошли с 70 людьми людей с инвалидностью всю процедуру до дверей, когда уже раздеваются и освидетельствуют. Записываются на прием и приезжая под видом их опекунов. Это было тоже сложно, потому что в медико-социальную экспертизу просто так не попасть, но в общем получилось.

Дальше принцип сопоставимости данных, то есть все 3 исследования, как я уже сказала, проводятся в одних и тех же учреждениях. То есть мы смотрим с одной стороны, мы смотрим с другой стороны, и мы смотрим глазами исследователя, потому даем блокнот, который просто заполняем, что говорили люди. Потому что некоторые люди инвалиды, например, они могут реагировать слишком избирательно на разные вещи. А для человека, который не в ситуации, может быть это нормально. Равноудаленный запрос на исследование, то, о чем мы говорили. У нас был опыт между исследованием по ветхому аварийному жилью мы получили заказ еще от одной госкорпорации, они получили результаты и закрыли исследование. Результаты мы не опубликовали. Поэтому мы решили, что если мы проводим такие вещи, то мы их делаем на улучшенный грант, но с понятным бенефициаром, то, что я сейчас скажу. В данном случае в последних двух исследованиях почему у нас получилось. Почему у нас не получилось в первом случае ничего, а во втором получилось. У нас была президентская комиссия. Она была не заинтересована, у них нет ведомственных интересов, у них нет задачи Минтруда показать отчетность, у них нет задачи МСЭ федерального бюро показать, как оно все будет. Дальше наличие возможности задействования экспертов оффлайн, вы понимаете, потому что разобраться, там один приказ Минтруда на 148 страниц с приложениями – невозможно разобраться. И наконец понимание специфики законодательства. Инструментарий я коротко рассказала, да, можно его потом посмотреть. Что получилось.

Результаты. По 1-му почему считаю оно не очень удачное, на что Ольга Аркадьевна ссылалась, там очень орошая методология была, но мы только смотрим. Что у нас получилось со всероссийским комплексным мониторингом. Наша гордость – с момента исследования мы дошли до того, что президент подписал поправки в закон, в рамках исследования, правда, нам сказали – иди туда, не зная куда, покажите, что происходит. Мы нашли 2 ограничения в законе, прямые ограничения, и одно фактически ускорили через Смолина, потому что он боролся депутат, с этим 2 или 3 года. А вторую поправку ее ни Топилин, ни Васильев, они просто не предполагали, что есть такое ограничение. Ограничение там, собственно говоря, очень простое, что ребенок с инвалидностью может поступать в один год в один вуз на одну специальность, если не поступил – пошел на следующий год. А у нас ребенок может поступать в 5 вузов на 3 специальности, 15

вариантов, чего ломать голову. С прошлого года эта поправка отменена, рост на 15% каждый год.

Дальше почему здесь важен вопрос с муковисцидозом, потому что по итогам нам удалось продлить постановление правительства № 339, которое вышло 29 марта 2018 года, нам удалось доказать Минтруду, что люди с понятными заболеваниями неизлечимыми, генетическими, как муковисцидоз, проходят инвалидность по 4-5 раз. И чтобы не было, понимая чиновничью практику, чтобы у них не было возможности написать – да они сами написали, мы собрали с них со всех акты МСЕ, то есть у нас все кто прошли анкетирование, у всех были да, это персональные данные, но они согласились, нам предоставили акты МСЕ, мы просто выборочно показали, что вот все, пожалуйста, люди по 4-5-6 раз в год ходят. И с этого момента нам удалось посадить Минтруд и Минздрав, и они начали договариваться и у нас постановление правительства вам, правда, по дороге попали взрослые, но в отношении детей мы позицию удержали, у нас появилось 10 методологий, при которых при первичном освидетельствовании сразу дается до 18 лет, то есть не ходят больше переосвидетельствовать. Были рекомендации.

И наконец мониторинг. Мы пошли еще дальше. Благодаря тому, что я член общественной палаты, мы еще решили, все это помониторить, как это действует. В случае с аварийным жильем мониторили, в случае с образованием мы уже провели 2 горячие линии. Поправки внесены, как выяснилось, до вузов не доведены. Мы пошли в Рособрнадзор, договорились с ними и, собственно говоря, выхватывали ситуацию и в ручном режиме решали. Хотя получали много чего от Москвы, от Казани, почему ваш федеральный закон, у нас устав вуза есть, очень классическая история Москва и Казань, вообще великие регионы, мы сами по себе. Опрос с муковисцидозом мы тоже провели 2 горячие линии до и после, буквально сейчас 31 декабря закончили горячую линию. Выводы сейчас скажу. Тоже в ручном режиме удалось порешать, но везде Москва и Татарстан, они федеральный закон не читают, у них свое. И если в большинстве регионов дети с определенными видами заболеваний почти 100% получили до 18 лет после выхода постановления, 3 региона – еще Московская область. Если с Москвой еще можно договориться, с Татарстаном это отдельная жизнь. И этот мониторинг полученного результата горячую линию тоже сделали как включенное наблюдение. Посмотрите, что в результате мы видим. На местах не доводят в подразделения подзаконные акты, методических рекомендаций нет. Сейчас мы будем методические рекомендации разрабатывать. У федеральных органов, мы можем говорить только про 2 министерства – Минтруд и Минобрнаука, нет специальных методов мониторинга и контроля за правоприменительной практикой. И нет аналитики не статистической, не социологической, как она работает. В отсутствие ведомственных методических рекомендаций, чиновники читают закон по-своему. Проблемы межведомственные они существуют, тут даже спорить не надо. И наконец существующий критерий эффективности деятельности вообще нет логики и даже тех принимаемых законопроектов, которые происходят, собственно говоря, все. Спасибо.

Модератор: Чтобы принять закон, можно не проводить никаких исследований, но чтобы внести поправки чуть-чуть, надо проводить такие обоснованные исследования. У меня сразу с ходу вопрос, а этот этап, который связан с анализом законодательства для того, чтобы найти там соответствующую закорючку, он делается кем, вы сами его делали?

Курбангалеева Екатерина: Сами. Через включенное наблюдение, когда начали препираться с приемными комиссиями, они начали нам показывать, в чем проблема. А когда начали препираться с медико-социальной экспертизой, начали показывать, то есть в чистом виде сощопрос не вытаскивает, видим и все, а почему не происходит. А через включенное наблюдение, когда у нас 5 человек на позиции опекуна и пытаются выяснить, почему, аргументированную позицию, они начинают ссылаться, мы собираем, если видим, что повторяем больше 3-4-5, начинаем смотреть и делаем такие вещи.

Модератор: Еще вопросы. Спасибо большое. Достоинно. Двигаемся дальше. Сейчас у нас Олег Борисович Божков как раз представит антикейс. Когда социологи постарались, но не получилось. Я правильно понимаю?

Божков Олег: Не совсем.

Модератор: У вас есть презентация?

Божков Олег: На словах. Сначала хотел рассказать об одном кейсе, но сейчас пришел к выводу, что нужно о двух. В 1974 году мы провели исследование 100 вопросов о вашей жизни, так оно называлось. Изучали мы образ жизни петербуржца. Были опрошены 501 семья, квартирный опрос. И в трех районах города. А предыстория такая, оказывается, что квартплата за жилье не менялась в Советском Союзе с 1926 года, в 1974 году Исполком ленинградский решил это дело как-то пересмотреть. И выдал аж 3 проекта, куда менять эту самую квартплату за жилье. А постольку поскольку наше исследование оно прозвучало в городе, нас пригласили быть экспертами и нам предложили все 3 проекта и мы долго переписывались с исполкомом, но убедили их в том, что ни один из них не годится. Причем критерии, которые мы использовали 2 критерия, что вы с этого получите в деньгах, каков доход. А второй критерий чисто социальный – а по кому это ударит? Один из проектов предполагал, что в центре города в коммунальных квартирах живет, например, одинокий пенсионер, у него комната 40 метров, на хрена ему столько? Нужно поднять ему цену так, чтобы он из этой комнаты вылетел сам и нашел маленькую комнату себе. В 1974 году уже хрущевки строились во весь рост, но однокомнатных квартир было мало, в основном строили 2- и 3-комнатные квартиры. И поняли, что этим бедным пенсионерам деваться некуда. И примерно такого же типа аргументы были, мы долго переписывались, потому что чиновников надо было убедить. И убедили, этот вопрос был, по крайней мере, до 1999 какого-то года снят с повестки дня. То есть до тех пор, пока не пришла рыночная экономика и тут не начались другие процессы. Я бы сказал, что это скорее положительный кейс, чем отрицательный.

Модератор: Не внедрили закон, отменили нехороший.

Божков Олег: Нет, отменили дурные предложения. А второй кейс это через 14 лет в 1988 году Обком партии уже потерял часть своей силы, как раз в разгар перестройки, а исполком уже приобрел самостоятельность. И исполком разработал проект «Жилище 2000» в 1988 году. Этот проект был, тогда председателем планово-экономического отдела исполкома был Алексей Большаков. Этот проект был разработан, он был опубликован в партийной газете. И пригласили нас провести исследование – как население к этому относится. Мы провели опрос в двух городских газетах в «Ленинградской правде», и «Вечернем Ленинграде». Почему вдруг, потому что мы прикинули, что их аудитория пересекается, но не пересекаемые части здорово различаются. Поэтому мы в двух газетах опубликовали большую анкету. Мы получили порядка 15 тысяч анкет, и около 12 были отданы для обработки, там было минимум пропусков, там почти не было окон, потому что особенно молодые горожане довольно

часто прикалывались в анкетах, спрашиваем, какой пол, а они отвечают – деревянный и т.д. Все это отсеивали, 12 тысяч анкет вошли в обработку.

Еще было одно большое достижение в этом исследовании. Мы убедили исполком и обком партии, что тот отчет, который мы представили исполкому, что он должен быть доведен до ленинградцев. И наш отчет в том виде, как мы его представили исполкому, был опубликован и в «Ленинградской правде» и в «Вечернем Ленинграде». В выводах мы отметили особенно, во-первых, то, что этот опрос показал само количество людей, которые ответили, которые вырезали часть страницы в газете, заполнили и прислали нам. Причем частично высылали прямо к нам в институт, а частично присылали в редакцию газеты. Прежде всего, это показало актуальность этой проблемы, жгучестью. Второе это было то, что наши респонденты крайне позитивно отнеслись к программе в целом, они ее позитивно оценили. И более того, значительная часть респондентов это порядка 40% выразили желание участвовать в реализации этой программы, в том числе и финансово. Мы считали, что исследование действительно было и актуально, и важно. Но ничего этого власти не услышали. Программа эта как-то чуть-чуть теплилась. В 2008 году Валентина Ивановна Матвиенко выбрала новую программу – расселение коммуналок, это уже было гораздо хуже, чем первоначальная программа 1988 года. Затем к ней добавилась еще одна программа расселения ветхого и аварийного жилья и конца этому не видно. По нашим экспертным оценкам эта программа не будет решена в Ленинграде еще лет 30 как минимум. Потому что она идет таким и темпами, много обстоятельств изменилось, которые надо учитывать, которые учитывать, к сожалению, некому. Спасибо за внимание.

Модератор: Может быть, вопросы есть, которые поправят позицию нашего спикера. Понятное дело, с 1974 года начали, там много можно вспомнить. Кстати, интересно, там кейс, который социологам тоже надо как предмет исследования охватить, когда начинаем исследовать по поводу одного законопроекта, а власти не заинтересованы в этих изменениях, просто уходят в новую программу, тогда которая как бы обнуляет актуальность предыдущей, это известный чиновничий прием. Одна программа не закончилась, но чтобы ее не зафиксировать как невыполненную, надо срочно придумать новую, постоянно повторяется. Опять уходим от города на всероссийский уровень. Алина Анатольевна Соболевская расскажет, исследование Фонда общественное мнение по закону о рыболовстве, в обиходе о рыбалке, о любительской рыбалке.

Соболевская Алина: Всем добрый день еще раз. Меня зовут Алина я в Фонде общественное мнение не занимаюсь социологическими исследованиями, я руковожу кроутсорсинговыми проектами, и строю комьюнити людей в интернете, я работаю на нашей собственной платформе кроутспейс. Поэтому сегодня помимо данного кейса, я вам расскажу, как все это в нашей компании зародилось и почему мы этим занимаемся и какие у нас сейчас есть результаты. Давным-давно в одной далекой-далекой галактике, но это не начало звездных войн, это начало кроутсорсинга, потому что этот термин появился в 2006 году и сейчас кажется, что это было уже очень-очень давно. И сначала 2010х годов мы начали заниматься кроутсорсингом Александр Анатольевич Ослон был очень заинтересован в этой теме, поэтому давал ей много своего внимания, поэтому и началось в нашей кампании. У нас был изначально большой кейс, связанный с проектированием будущего Сбербанка, такие мы проводили небольшие региональные кейсы, но вопросов кроутсорсинга очень часто бывает, что образуется шум из

комментариев тех людей, с которыми мы общаемся. То есть это недостаточно просто собрать людей на одной площадке и с этими людьми надо работать, нужно придумывать систему мотивации, обработки этой информации и понимать, да, с одной стороны, краудсорсинг – это огромное количество инсайтов, которые можно получить от людей, которые не отвечают на стандартизированные вопросы. Мы собираем людей и задаем им вопросы по какой-то проблемной теме, дальше люди в разных активностях на интернет-площадках что-то отвечают, а мы с ней работаем. И нам нужно, во-первых, получить от человека какой-то осмысленный все-таки ответ и как-то потом отработать это с точки зрения качественного исследования. И краудсорсинг дает возможность привлечь людей, которые живут в разных регионах, разных часовых поясах, люди, которые в принципе никогда бы не стали друг с другом общаться, в силу разности возраста, социального положения. И поэтому люди не просто каждый отдельно проходят опрос, что-то отвечают, люди ориентируются друг на друга, могут друг друга поправлять и могут друг друга оценивать.

Поэтому интересным кейсом стал закон о любительском рыболовстве, где мы применили не только наш социологический опрос, но пошли дальше – сделали полноценное краудсорсинговое исследование. В тот момент сложилась достаточно удачная политическая конъюнктура и именно Владимир Владимирович заинтересовался тем, чтобы было подобное общественное обсуждение данного закона. И уже изначально, насколько я понимаю, предчувствовали, что некоторые положения закона явно войдут в резонанс с общественным мнением и заинтересованным в любительском рыболовстве. Поэтому было проведено в течение двух месяцев обсуждения, в котором поучаствовали более 5 тысяч человек, которые предложили более 200 предложений, насколько я помню, 200 статей этого закона в принципе были потом переработаны участниками. Это было в 2011 году, даже сейчас подобный масштаб количество участников кажется достаточно внушительным. И что было важно – люди не просто оставляли свои комментарии нравится/ не нравится, люди имели возможность выразить свое качественное мнение как людей, которых волнует этот вопрос имели возможность коммуницировать друг с другом исправлять определенные положения закона. И эта аудитория это были люди, которые были в этом кровно заинтересованы. В этом случае мы выступили не только как социологическая компания, которая сделала исследование, сделала выводы, сделала рекомендации, как-то их пролоббировала. Мы выступили как некое связующее звено, как модераторы между целевой аудиторией, законотворческим органом. То есть была нестандартная роль.

Этот закон почему был такой резонанс и почему его нужно было обсуждать в таком формате, потому что в рамках этого закона хотели ввести платную рыбалку в определенных, специально зарезервированных для этого местах. Это встретило большое неприятие целевой аудитории, потому что в рамках опроса мы выяснили, что на самом деле люди воспринимают в России рыбалку не просто как профессиональный спорт, как профессиональную охоту, которая есть в Африке, например. Люди воспринимают ее как способ социализации, ментального отдыха, как возможность просто дойти до речки, которая находится рядом с садовым участком и хорошо там провести время. Поэтому для них необходимость платить и тем более куда-то ехать, оформлять какие-то разрешения, это абсолютно не вписывается в ту концепцию жизни, которая привычна. При этом интересно, что только 8% людей сказали, что они используют вылов рыбы для

пропитания, продавать, остальные его используют как некий способ классического отдыха. Именно поэтому им было немного удобнее делать это там, где они привыкли.

Поэтому после опроса мы подключили кроутсорсинг, мы собрали людей, которые участвовали в опросе, выразили желание дальше поработать на площадке и начали с ними обсуждать документы, это очень удобно обсуждать документы, потому что их можно разделить на определенные смысловые части и дальше люди эти части не просто обсуждали, они предлагали, как эти части могут быть переписаны, они голосовали за предложения друг друга, они спорили и общались друг с другом. То есть они совершали некое общественно одобряемое действие с точки зрения самих людей, заинтересованных в рыбалке. Потому что когда определенные законы обсуждаются экспертами, мы очень часто подозреваем их, например, в ангажированности, а тут люди верили друг другу, это именно общение на уровне, что это такой же человек, как и я, я обсужу это с ним, потому что нам обоим это важно.

Мы оставляли рейтинги, максимально мотивировали людей, потому что я сказала, что сообщество было больше 5 тысяч человек, никогда люди на равном уровне не участвуют одинаково в сообществе, всегда есть некое экспертное звено, это люди, которые пришли туда и просто проявили свои экспертные качества, компетентность и заинтересованность. Например, мы из года в год делаем различные проекты, мы таких людей собираем по каждой теме, у нас есть пул таких людей по разным темам, в идеале после такого обсуждения кроутсорсингового их можно в будущем использовать этих людей на похожих проектах, но такие проекты в том числе выращивают некую аудиторию народных экспертов, людей, которые за бесплатно тратят свое время и обсуждают действительно важные в общественной жизни вещи, это очень ценный ресурс, который практически невозможно бывает создать, если мы платим людям деньги или какими-то другими способами мотивировать.

В итоге оказалось, что закон абсолютно не сочетается с общественным мнением и что весь закон надо переписать. И в этой ситуации Росрыболовство действительно переписало закон, выпустило намного более качественную версию этого закона, которая снова подверглась общественному обсуждению и была уже принята как финальная версия. К сожалению, завтра в законе оно вступило только в конце прошлого года, то есть закон был официально Путиным подписан, но он был подписан именно в той форме, за которую и боролись эти народные эксперты и было самое главное, что они отвоевали свою возможность просто и бесплатно рыбачить на своей речке. А для тех, кто хотел заниматься этим в качестве спортивного занятия, какого-то азартного, стала доступна возможность за 300 рублей покупать карту рыболова и ездить ловить в других регионах. Что сами люди 71% проголосовали, а кому это надо, пускай они платят 300 рублей. Таким образом, с одной стороны получили общественно одобряемый результат, был изменен и полностью переписан закон, и мы сформировали сообщество этих экспертов. Я не знаю его дальнейшую судьбу, но эти люди, во-первых, поучаствовали и они уже были заряжены они в принципе были готовы участвовать и в других проектах.

После проведения этого проекта и в целом в силу сложившихся конъюнктуры у нас в фонде общественное мнение было организовано наш отдельный департамент, в котором я и работаю, где мы проводим кроутсорсинговые исследования. Мы проводили множество исследований, уже не касающихся законотворческой отрасли, например, мы делали исследование для сбербанка, в рамках которого обсуждали пенсионные продукты, карту для пенсионеров, и они практически полностью изменили ее дизайн и

позиционирование, опять же услышав обратную связь людей, которые этой картой будут пользоваться. Мы строили по такому же принципу сообщество потребителей финансовых услуг, сейчас также занимаемся одной важной темой – мы строим большое сообщество, большой проект, связанный со здравоохранением и в нем используем все наши наработки, потому что уже много лет краудсорсинг доказывает, что он крайне применим в обсуждении тех моментов, когда нам нужно получить осмысленную связь от людей, ее обработать и использовать на благо тех тем людей беспокоят. Спасибо.

Модератор: Вопросы.

Реплика из зала: Два вопроса. Первый вопрос – кто был заказчиком краудсорсингового проекта, условно говоря, вы провели опрос, после этого понятно, что краудсорсинговый проект – это ресурсозатратная история, кто был заказчиком, это была инициатива самого ФОМа продолжить проект или был какой-то заказчик в этой истории.

Соболевская Алина: Правительство.

Реплика из зала: То есть Росрыболовство само решило пилить сук, на котором оно сидит?

Соболевская Алина: Скажем так, решил Владимир Владимирович, который в тот момент был председателем правительства и ожидалась выборы президента.

Реплика из зала: Вы фактически предвосхитили мой второй вопрос, всегда черный ящик или волшебный момент вот краудсорсинговый проект, а тут изменения в закон, это волшебство, оно как происходило?

Соболевская Алина: Оно происходило.

Реплика из зала: Опять же Владимир Владимирович, то есть вы ответили.

Соболевская Алина: Да, сложилась конъюнктура, когда это было козырем в его политической карьере, поэтому рыболовству повезло.

Модератор: Гудвин.

Соболевская Алина: У нас хочу отметить, у нас был партнер, с которым мы делали этот проект, компания Викиволд, когда у нас еще не было своей площадки. Так что мы это делали в партнерстве.

Курбангалеева Екатерина: У нас не Владимир Владимирович, мы как раз пошли по всем чиновничьим кабинетам.

Алексей: Спасибо за прекрасный кейс. Алексей, Московский центр урбанистики города. Мы сталкиваемся очень часто с ситуацией, когда данные социологических исследований, данные таких активностей в социальных сетях не на краудсорсинговых платформах, а в социальных сетях, они либо диаметрально противоположные получаем по отношениям и по мнениям, либо ожечь сильно отличающиеся. Вы этим столкнулись или нет в своём проекте, поскольку у вас было и социологическое классическое исследование опрос и краудсорсинговая платформа. Столкнулись или нет и если столкнулись, то как вы потом их смешали?

Модератор: Повторю для записи в микрофон. Проблема в том, как фиксируются противоречия?

Соболевская Алина: Конкретно в данном проекте такого диаметрального различия не было, потому что люди в принципе были настроены достаточно критично по отношению к положениям закона и людей, которые считали, что платить деньги за рыбалку практически не было. Поэтому здесь не было проблемы. Я понимаю, о чем вы говорите, так как я вела много проектов, когда действительно есть такое ощущение, что люди, когда они проходят опросы, когда им, например, звонят и говорят – вы знаете, мы

фонд общественное мнение, мы проводим опрос, многим людям свойственно отвечать стереотипно какие-то социально ожидаемые от них ответы. Например, когда люди могут на площадку прийти, где видят, например, Вася высказал какое-то нестандартное мнение, он не побоялся, он сказал то что я думаю, хотя бы смог сам это сформулировать, многим людям свойственно больше открывать внутренних инсайтов и больше делиться. Потому что обычно это неправда, но раньше у людей было ощущение анонимности интернета, сейчас мы его практически утрачиваем, потому что люди видят, что все в интернете как на один раз написал, это живет, это уже невозможно удалить. Но раньше людям было свойственно зачастую, какие-то негативные критические отзывы больше оставлять именно в интернете, плюс, например, когда мы строим сообщество именно в соцсетях, людям в том же фейсбуке что люди больше всего любят делать, они любят спорить, они любят устраивать халивар по любой важной теме, любят таким образом самореализовываться, кормить свое эго. Поэтому действительно сложно иногда бывает в некоторых проектах, ты должен провести аналогию и отделить, где действительно человек дает качественный ценностный инсайт, а где он опять же подвержен влиянию соцсетей, кроутсорсинговой платформы. Именно поэтому мы зачастую какое-то общение переводим уже в частное русло и общаемся с людьми персонально, иногда переводим в некое оффлайн, до сих пор когда мы видим надо прояснить, почему человек так недоволен и что у него на самом деле так болит.

Модератор: В этой связи, конечно, важный вопрос для исследователя, как вы собственно формируете эту самую группу и не создается ли ощущение, что вы как раз собрали весьма необычных людей, тех самых отчасти маргиналов, которые любят спорить, которые активны, не такие спокойные рыболовы, которых масса, а такой один процент сумасшедших рыболовов, которые мало того, рыбу не ловят и еще и спорят по поводу и что-то доказывают. Насколько справедливо учитывать мнения весьма отличные от нормы группы для рекомендаций?

Соболевская Алина: Я понимаю, какой здесь есть страх, но действительно зачастую самые активные являются самыми негативными и при подобных исследованиях этого нам действительно не избежать. Единственное, на нынешних проектах мы с людьми тщательно работаем и выясняем, например, задаем им профессиональные вопросы в анкете – а почему вы этой темой так заинтересованы, потому что вы сидите на даче на пенсии и у вас единственное развлечение рыбалка или вы в целом успешный человек, просто приезжаете на дачу и для вас это важно. В целом во всех проектах нужна такая тщательная внимательная работа, например, на входные анкеты, тоже хорошая вещь, у нас было много вопросов, что люди придут к нам на площадку, и конечно, и в этом проекте и в других мы старались выбирать людей, представляющих собственно разные полюса мнений.

Модератор: Спасибо большое. И заключительное выступление Виталий Викторович. Томск. Общественное мнение обоснования политического решения о переходе в другой часовой пояс. Между прочим, в нескольких других областях тоже такие исследования в Самаре.

Кашпур Виталий: Как раз вчера открыл ленту Яндекса, тема перевода часов сейчас опять на федеральной повестке благодаря предложению депутата Барышева, который предложил всю страну перевести на постоянное, точнее вернуть переход на летнее и зимнее время. У нас собственно, как раз описывает эту ситуацию, которая сложилась вокруг темы перевода часов. И это, пожалуй, единственный кейс, в котором в моей

личной исследовательской практике, в котором желание властей спросить население очень горячо сопровождалось желанием населения ответить на те вопросы, которые задает власть.

И в чем ситуация, ситуация она может быть, типична для многих регионов, в свое время мы перешли на другой часовой пояс с 6 часового пояса по Гринвичу на 5 часовой, лучше говорить в контексте нашей часовых поясов Москвы, то есть с 4 на 3-часовой пояс от Москвы, потому что это было сделано по соображениям экономии электроэнергии с одной стороны, а с другой стороны, опять же более близкая связанность с Москвой, где есть федеральный центр.

Затем происходит в 2011 году по инициативе Дмитрия Анатольевича отмена перехода на летнее и зимнее время, а потом в 2014 году вся страна уже переходит на постоянное зимнее время и в итоге сложилась ситуация, когда к 2014 году опять же исследователи зафиксировали потерю около 200 световых часов в год. Как это отражалось на конкретной жизни, могу рассказать на примере вдогонку докладу предыдущему. Я сам рыбак и летом, мне чтобы поехать на рыбалку на рассвете, мне надо было стать в 1:30 ночи, для нас это запредельная ситуация была. А светало в 10 вечера, когда человек, жалеющий поработать на своем дачном участке приезжал к себе на участок, он через час уже вынужден был уезжать, что для лета, конечно, крайне не терпимая ситуация, И начиная с 2014 года, было зафиксировано большое количество обращений различных сообществ, как и отдельных граждан в законодательную думу и в итоге была в конце 2015 года сформирована инициатива 7 депутатов о том, чтобы нам перейти в другой часовой пояс, удлинить себе количество светлого времени.

Но в парламенте разгорелась достаточно ожесточенная дискуссия, что редко встречается, и было принято в конечном итоге решение, что а давайте мы поступим так, как скажет народ, в этом смысле это исследование было типичный пример обращение непосредственно к народному мнению в принятии политического решения. Исследование проводилось путем традиционного массового опроса, причем во всех муниципальных образованиях, что опять же стоило достаточно больших усилий, потому что в некоторые муниципальные образования нашей области крайне сложно добраться на каком-либо виде транспорта, кроме как самолет или вертолет.

Плюс к этому было организовано онлайн опрос на сайте законодательной Думы Томской области, и количество анкет, которые были взяты в обработку, составляло более 27 тысяч. И каковы итоги этого опроса. Первое, что следует сказать, хотя презентации 2, но это беспрецедентная включенность населения в тему опроса. Ни по одной из других тем, с которыми мы обращались к населению в рамках наших исследований, не было зафиксированного такого ажиотажа. Доходило до того, что, например, сами граждане звонили нам на кафедру с просьбой – давайте-ка мы быстро вам ответим на вопросы вашей анкеты от лица общества садоводов села Тимирязево. И таких звонков был не 1-2, а мы считали более 300 звонков разных инициативных групп за период проведения опроса. Кроме того, если мы посмотрим на онлайн опрос, такая практика онлайн опросов на сайте Думы проводилась с 2005 года, и темы, с которыми обращались, они уступали по популярности в 10-15 раз по количеству в отличие от той темы, которая связана с переводом часов.

Понятно, что в итоге доля сторонников значительно превысила долю противников этой идеи перехода и это законодательное решение в конечном итоге, конечно, было принято. Государственная дума Российской Федерации проголосовала, поддержав то

законодательное решение, которое было принято нашей региональной Думой. Но что здесь следует подчеркнуть, как раз размышляя над причинами беспрецедентной вовлеченности и резонанса темы исследования, здесь можно сказать, что удачно сошлись эти 2 вектора. Во-первых, тема была очень близка к повседневной жизни значительной части людей, с одной стороны, а с другой стороны, эта тема она действительно была актуальна и для власти с точки зрения и ситуации предвыборной, то есть ситуация перед началом нового электорального цикла. И эти 2 вектора интересов совместившись, они как раз и породили такой удачный кейс, такую практику.

И второе, что следует сказать. Очень много сейчас говорится о том, что люди в целом теряют интерес к практике участия в опросах, социологических исследованиях, этот кейс показывает, что на самом деле нет, есть такие темы, которые задевали за живое и которые мотивируют людей участвовать в опросах. Спасибо.

Курбангалеева Екатерина: Мне кажется, что любительская рыбалка, что часовые пояса, это почему вызывает такой интерес, потому что можно безнаказанно, допустимо и даже поощряется халивары на эту тему. Есть тема политическая пенсионная.

Модератор: Вопросы.

Реплика из зала Директор института прикладных политических исследований. Скажите, пожалуйста, а зачем нужна была такая большая выборка? Томская область 600 км, но часовой пояс, как маленькая Украина, но зачем такая выборка?

Кашпур Виталий: Вы говорите про онлайн опросы?

Реплика из зала: Муниципальные зачем.

Кашпур Виталий: Это было необходимо для рематимации и политического решения, что опрос был проведен в каждом из муниципальных образований хотя понятно, что внутри муниципальных образований ни о какой репрезентативности речи не могло идти, но это было важно именно для заказчика, для спикера законодательной Думы.

Модератор: Размер выборки имеет значение. Еще

Курбангалеева Екатерина: Зная Томскую область, там же еще очень важный и Томск и если через мост Ханты-Мансийск работать.

Кашпур Виталий: Они как раз и против были.

Курбангалеева Екатерина: Да потому что они фактически 2 часа разрыв получили.

Кашпур Виталий: Хотя они потом нашли выгоду, когда потом закрывались магазины со спиртным в Сторожевом, можно было на такси съездить в Нижневартовск. Свои паразиты тоже в этой ситуации.

Модератор: Спасибо. За счет чрезмерно жесткого модерирования и за счет того, что у нас все-таки 7 пункт отвалился, у нас образовалось некоторое время. Мы можем еще 5-7 минут поговорить на тему нашей секции и, может быть, у кого-то есть какие-то примеры, случаи, просто замечания, соображения на тему. С учетом того, что все записывается, все пойдет наверх, если вы хотите что-то сказать.

Юлия: Спасибо, добрый день, коллеги, меня зовут Юлия маркетинговый центр «Революция» город Иркутск. На самом деле вопросов нет, секция очень интересная, я взяла микрофон, просто чтобы поблагодарить спикеров за сегодняшнее выступление, потому что мне было очень интересно слушать каждого из вас, этот опыт, который хочется перенимать. У нас, конечно, есть в Иркутске исследования, да, они дают интересные результаты, из коротенького примера. К нам обращалась ювелирная компания, коряга является лидером в нашем городе и в нашей области, они к нам

пришли и говорят – мы лидеры, и что нам делать дальше, может, пойти в другие регионы. Мы начали делать исследование и выяснилось, что на самом-то деле они лидеры только потому, что они делают большое маркетинговое сопровождение и новые мероприятия, а покупатели с деньгами с чеком выше среднего уходят в другие ювелирные магазины. И начали вскрывать интересные подробности и ломбарды у них там и перекупы стоят около магазина. Сейчас эта компания работает над именно внутренней структурой, и она стала рекомендовать нас в городе, город у нас достаточно небольшой, и люди начали осознавать не только цену, но и ценность исследований. Поэтому спасибо вам за ваши труды, будем смотреть на вас и делать что-то более грандиозное.

Модератор: Как на последней странице газеты там рекламные рубрики, у нас тоже можно прорекламироваться.

Галкина Наталья: Наталья Галкина, компания исследовательский институт при Минфине. У меня вопрос, у меня дополнение, об этом мы будем говорить в нашей секции завтра, но если вы рассказывали о результатах, что сделали и что-то поменялось, то у нас есть другая задача сейчас. То есть мы должны сделать что-то, чтобы эти нормативные акты писать, создавать, не даст соврать и делать. Я понимаю, что мы можем все хорошо понимать, но провести много всего социологического, исследовательского мы не можем, не то чтобы нет денег, их нужно получить, нужно это развить, нужно предложить, обычная история. И даже небольшие усилия, которые здесь будут приложены, они небольшие они сработают, но их мало. Я слушаю коллег, я понимаю, сколько можно всего сделать кроутсорсинг очень хочется, экспертные панели, это простые группы, простые эксперты, настолько много можно всего сделать, когда социологи не то что при чиновниках, рядом, но когда ты сам это можешь делать. Завидую, что у вас это удалось.

Модератор: Спасибо.

Локтева Людмила: Добрый день, Людмила Локтева. У меня вопрос в первую очередь к Алине, хотела спросить, как вы вовлекаете возрастную категорию респондентов в свои исследования?

Соболевская Алина: Согласовывала кейс со Сбербанком, потому что нужно было мы сделали рассылку по их базе, то есть мы очень плотно работали с их маркетинговым отделом. Например, когда нам нужно было по здравоохранению что-то обсуждать с возрастной категорией, мы проводим некий анализ соцмедиа у нас есть, пользуемся услугами компании Бренданалитикс, они делают анализ соцмедиа, в котором потом работают наши аналитики, и мы пытаемся построить гипотезу, где могут тусоваться люди определённого возраста, например. Есть гипотеза, что они тусуются в Одноклассниках в силу того, что это соцсеть более отвечает интересам и раньше появилась. Дальше мы пытаемся понять, где эти люди есть, мы можем запустить рекламную кампанию, протестировать и посмотреть, какие люди придут и на входной анкете обозначить необходимость, чтобы они свой возраст указали.

Добромелов Григорий: Григорий Добромелов, институт прикладных политических исследований. Мы как раз профессионально заминаемся госконсалтингом, то, о чем сегодня рассказывали, это кусочек как раз того, волшебства которое происходит, когда принимаются те или иные государственные решения для решения тех или иных государственных задач.

Несколько методических соображений. Буквально 2. 1 безусловно, приведенные кейсы исследований, понятно, что к сожалению, пока это разовые истории, это не

поставлено на поток, почему это не поставлено на поток, во-первых, потому что сам заказчик, сами госорганы до конца не понимают, что для решения тех или иных государственных задач необходим инструментарий, причем это очень четко сегодня было видно на панели, связанной с мониторингом, когда в принципе в качестве социологического инструментария воспринимается только опрос общественного мнения. И второе, что вообще-то опросы общественного мнения нужны только в сфере внутренней политики, отстроенной по острым политическим вопросам, а в части социально-экономических вопросов некая пока методическая вольница. Это первый момент

Второй момент, безусловно, при планировании, исследование – это только часть самой процедуры получения результата, то есть если мы изначально понимаем, что нам надо отменить либо поменять что-то в законодательстве, либо наоборот инициировать создание той или иной государственной программы или стратегии, то изначально уже в саму архитектуру исследования необходимо закладывать тот результат, который мы должны получить. Толи это пиар. как с точки зрения часов перевода стрелок исследования оно, по сути, должно влиять на общественное мнение, либо оно должно влиять на стейкхолдеров. Понятно, что проведению исследований предшествует работа с нормативной базой и выявление тех самых узких мест.

И третье последнее самое важное, то о чем говорили в последнем опросе коллеги, как бы сделать так, чтобы это стало массовым, а массовым это станет только при одной ситуации. Когда сами исследования станут достаточно дешевыми, то есть когда для госорганов проведение исследования, при том что это иллюзия, что денег на социсследования нету, на самом деле по 2015 году считали, больше 3 млрд объем госзакупок был на опросы общественного мнения, только одна Москва около миллиарда закупила, это достаточно большие деньги, причем это только явная верхушка айсберга. Мы понимаем, что зачастую иногда социология зашита внутри многих других госзакупок, это только самый явный кусочек. На самом деле пока социсследования не станут в полях достаточно дешевыми, а к этому все идет, об этом говорят коллеги из ВЦИОМа, из ФОМа, что не требуются уже большие выборки, больше можно матмодерирование, можно использовать бигдату. Когда и само исследование станет дешёвым, а аналитика и дальнейшее продвижение решения вопроса станет более дорогим, тогда госорганы массово пойдут в эту историю. Спасибо.

Модератор: Как говорят, плохой фильм заканчивается на вопросе морали, а хороший фильм заканчивается на вопросе. Я бы хотел, чтобы выступление Григория Владимировича было дискуссионным, это не вывод. Хорошие исследования не могут быть дешевыми, на этом стоим и стоять будем. Их может быть меньше, но они должны быть дороже, потому что они должны быть лучше, качественнее. Пример, который Екатерина Шамильевна говорила о том, что фактически не работает один метод, работает только мультиметодная процедура, тогда, когда и это становится более убедительным для чиновника, потому что на каждую отдельную процедуру сразу скажет – а у вас вывод.

Крокинская Ольга: Спасибо большое. Ольга Крокинская Герсуновский университет, город Санкт-Петербург. Если я правильно поняла, ни один из обсужденных кейсов не является кейсом социальной инженерии, ни один, успешные кейсы лишь успешны либо в силу каких-то особых ресурсов, наличие ресурсов общественной палаты и возможности ходить к чиновникам. Либо в ситуации 80-90е гг, когда институты

государства открыты для контакта с людьми. И последние 2 примера рыбалка и было что-то про МВД, я вспомнила 2 своих проекта, в которых я участвовала и удалось затормозить принятие неприятных для людей решений, они фактически в случае привлечения гражданского общества к решению своих проблем. Это когда люди помогают государству принять правильные для людей решения, а не наоборот. Поэтому когда сегодняшнее государство продвигает усиленно сегодня только от прогосударственных спикеров я слышала слова про социальную инженерию, когда сегодняшнее государство продвигает это понятие, у меня это вызывает и опасения и сомнения, потому что это может быть сделано.

Курбангалеева Екатерина: Можно один комментарий по поводу вы знаете, когда говорим про ангажированность со стороны властей исследования, они заказывают. Мы столкнулись с другой ситуацией. К исследованию, которое напрямую проводят исследовательские организации относятся с таким же недоверием. Казалось бы, гражданское общество, объединилось, создало организацию для защиты своих прав, опросили всех не убеждает это чиновников и не убеждает никого, потому что тоже заинтересованная сторона. И здесь, мне кажется, в порядке рондо я буквально к первым фразам вернусь Кирилла, который сказал, что в Англии запрещено принимать какое-либо законодательство, если есть хотя бы какой-то инструмент или намек на заинтересованность хоть какой-либо стороны. Как это сделать, я не знаю, но надо сказать, что исследование по образованию, которое мы начинали, тогда я еще не была членом общественной палаты, может, это потом помогло мне как раз стать.

Модератор: Хорошо. Спасибо всем большое. Хочу конечно сказала Ольга по поводу того, хотелось бы, чтобы заказчиком на социальную инженерию и на исследование, это тезис давнишний, были бы институты гражданского общества. Понятно, что сейчас они пока не являются сопоставимыми заказчику, как государство и в этом смысле они конечно же, основные проекты, связанные с изменениями, они относятся к государственным интересам. Но магистральные направления это не данные для реформы, но по крайней мере, смещать баланс в сторону того, чтобы у заказчиков на социально инженерные проекты на разработку тех или иных инструментов социальных изменений были другие, не государственные институты – гражданское общество, бизнес и т.д. И совершенно очевидно, если они будут играть, то там будут другие интересы тоже необязательно универсальные этой определённой частной группе. Но тем не менее, будем двигаться туда. Спасибо всем большое.